

ТІЛ БІЛІМІ
ЛИНГВИСТИКА
LINGUISTICS

МРНТИ 16.01.07

10.51889/6121.2022.42.66.001

*Боханова А.С.¹

¹*Международный университет туризма и гостеприимства,
Туркестан, Казахстан
Доктор PhD, ayguliok@mail.ru*

**СТЕПЕНЬ ЗНАЧИМОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ГАЗЕТ РК В
ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ**

Аннотация

Актуальность исследования определяется необходимостью совершенствования экономической грамотности населения, экономических коммуникаций, следовательно изучения специфики дискурсивных практик, зафиксированных в экономическом медиатексте. Это позволит сформировать полноценные аксиологические ориентиры в экономической сфере в целом, в том числе в аспекте процесса лишительности, и на основе этого сформировать фрагмент ценностной картины мира. Она, несомненно, сможет повлиять на материальное благосостояние как отдельного человека, так и всего социума в целом.

Поскольку лишительная семантика в своей основе содержит отрицательную коннотацию, а читатель, воспринимая излагаемое экономическое событие, вводит его в определенный социальный контекст, необходимым представляется исследование восприятия читательской аудиторией высказываний с лишительной семантикой. Это может способствовать совершенствованию употребляемых содержательных и формальных средств, а также приемов изложения экономической информации в газетах.

Ключевые слова: экономический дискурс, картина мира, факт, когнитивная модель, аксиологическая модель.

*Боханова А. С.¹

¹*Халықаралық туризм және қонақжайлылық университеті,
Түркістан, Қазақстан
PhD докторы, ayguliok@mail.ru*

**ҚОҒАМДЫҚ ПІКІРДІ ҚАЛЫПТАСТЫРУДАҒЫ ҚР ГАЗЕТТЕРІНІҢ
ЭКОНОМИКАЛЫҚ ДИСКУРСЫНЫҢ МАҢЫЗДЫЛЫҚ ДӘРЕЖЕСІ**

Аңдатпа

Зерттеудің өзектілігі халықтың экономикалық сауаттылығын, экономикалық коммуникацияларды жетілдіру қажеттілігімен анықталады, демек, экономикалық медиатексте жазылған дискурсивті тәжірибелердің ерекшеліктерін зерттеу. Бұл тұтастай алғанда экономикалық салада, оның ішінде айыру процесінің аспектісінде толыққанды аксиологиялық бағдарларды қалыптастыруға және соның негізінде әлемнің құндылық бейнесінің үзіндісін қалыптастыруға мүмкіндік береді. Ол жеке адамның да, бүкіл қоғамның да материалдық әл-ауқатына әсер ете алатыны сөзсіз.

Айыру семантикасы негізінен теріс коннотацияны қамтитындықтан және оқырман баяндалған экономикалық оқиғаны қабылдай отырып, оны белгілі бір әлеуметтік контекстке енгізетіндіктен, оқырман аудиториясының айыру семантикасы бар мәлімдемелерді қабылдауын зерттеу қажет болып көрінеді. Бұл тұтынылатын мазмұндық және формальды құралдарды, сондай-ақ газеттерде экономикалық ақпаратты ұсыну әдістерін жетілдіруге ықпал етуі мүмкін.

Түйін сөздер: экономикалық дискурс, әлем бейнесі, факт, когнитивті модель, аксиологиялық модель.

*Bokhanova A.C.¹

¹*International University of Tourism and Hospitality,
Turkestan, Kazakhstan
Doctor of PhD, ayguliok@mail.ru*

THE DEGREE OF IMPORTANCE OF THE ECONOMIC DISCOURSE OF THE NEWSPAPERS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN THE FORMATION OF PUBLIC OPINION

Abstract

The relevance of the research is determined by the need to improve the economic literacy of the population, economic communications, and, consequently, to study the specifics of discursive practices recorded in the economic media text. This will allow us to form full-fledged axiological guidelines in the economic sphere as a whole, including in the aspect of the process of deprivation, and on the basis of this to form a fragment of the value picture of the world. It will undoubtedly be able to influence the material well-being of both an individual and the entire society as a whole.

Since superfluous semantics basically contains a negative connotation, and the reader, perceiving the economic event being presented, introduces it into a certain social context, it seems necessary to study the perception of statements with superfluous semantics by the readership. This can contribute to the improvement of the content and formal means used, as well as methods of presenting economic information in newspapers.

Keywords: economic discourse, worldview, fact, cognitive model, axiological model.

Введение. Наиболее многочисленными являются работы, в которых дискурс трактуется с лингвистических позиций. Именно в лингвистике этот термин стал впервые применяться в качестве самостоятельной категории. Предполагается, что в научный лингвистический оборот его ввел бельгийский ученый Э. Бюиссанс, используя в своей работе «Язык и дискурс», опубликованной в Брюсселе. В теории ученого в бинарной оппозиции 'язык – речь' обозначается ее третий член – дискурс. Под ним исследователь понимает механизм перевода языка как знаковой системы в живую речь [1].

Также данный термин в составе терминосочетания «discourse analysis» был впервые применен Зеллигом Харрисом в статье, посвященной анализу рекламы, о чем свидетельствует данные казахстанского исследователя Б.А. Ахатовой [2, 39].

Вместе с тем, как свидетельствуют обзор лингвистической литературы, в языкознании вплоть до 60-х гг. прошлого столетия данный термин используется в качестве синонима терминов «текст» и «речь».

Начиная с 60-х гг. XX в. термин «дискурс» распространяется на большую часть гуманитарных наук. Это обстоятельство ученые связывают с так называемым лингвистическим поворотом, который в значительной степени был спровоцирован

структурализмом в культуре, пришедшим на смену традиционной (формальной) и ономасиологической парадигмам. Структурализм обуславливает распространение структуралистской методологии и появление структурной лингвистики как самостоятельного направления в получении языкового знания.

Обзор понятия дискурса и дискурсивного анализа представлен в исследовании Е.С. Кубряковой [3].

В основе структуралистской концепции языка лежит идея Ф. де Соссюра. Сущность ее заключается в том, что именно язык выступает универсальной матрицей, в которой зашифровано самое надежное знание о мире. Изучение структуры языка – ключ к изучению бытия человека и мира. Однако в рамках структурной парадигмы структуры языка в соответствии с новой методологической парадигмой интерпретируются не столько в качестве отражения и репрезентации реальности, сколько в качестве инструментария ее конструирования и трансформирования [4]. Но уже в исследованиях Ф. де Соссюра справедливо усматривается отсутствие противоречия между языком и речью Л.К. Жанакина [5, 12-13].

Согласно британским исследователям, корни дискурсивного подхода находятся в структуралистской и постструктуралистской теориях. Так, представляя обзор теорий и подходов к дискурсу, Дэвид Ховарт актуализирует французский структурализм как исходную составляющую дискурса [6]. На тот факт, что понятие дискурса возникает в рамках французского структурализма, где оно трактуется как комбинации, посредством реализации которых говорящий использует код языка, указывает также А. Киклевич [2, 351]. Вместе с тем он подчеркивает, что приведенное определение достаточно размыто и не представляет возможности отличать дискурс и речь. На рубеже XX и XXI столетий понятие дискурса переосмысливается за счет развития лингвистической прагматики. Этот феномен «понимается уже как текст с учетом совокупности естественных факторов, которые сопровождают актуализацию той или иной знаковой системы» [2, 353-354]. В частности, как «текст, погруженный в ситуацию общения», интерпретирует дискурс В.И. Карасик. Подобное определение несколько ранее находим у Н.Д. Арутюновой, которая трактует дискурс как «речь, погруженную в жизнь» [7, 274]. Как «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве», определяет дискурс В.Е. Чернявская [8, 14].

В отличие от газетного текста цель газетного дискурса заключается не в простой передаче информации, а в действенной, то есть такой, которая способна изменить мнение и в конечном счете поведение собеседника. Иными словами, дискурсивная деятельность, как подчеркивалось выше, направлена на «Другого».

Методика. В связи с этим позволим себе не согласиться с О.Б. Йокоямой, утверждающей, что целью речевого дискурса является передача знаний от одного участника диалога к другому [1, 25]. Вместе с тем, несомненно, значимым оказывается знание дискурсивной ситуации говорящим. О.Б. Йокояма, говоря о возможных вариантах дискурсивной ситуации, в этом контексте разрабатывает когнитивную модель дискурса, которая, несомненно, вписывается в европейский подход к анализу дискурса. В основе этой модели лежит минимальная единица дискурса, необходимая для речевой коммуникации. Она представлена четырьмя компонентами: двумя участниками (А и В) и двумя «предметами актуального внимания» (C_a и C_b) как базовыми единицами в модели дискурса. Участники коммуникации (А и В) – когнитивные множества, включающие в себя нормальных людей зрелого возраста и их общие знания. Трудно не согласиться с ученым относительно того, что у собеседников могут быть: а) общие знания дискурсивной ситуации; б) знания дискурсивной ситуации только у одного из них (у А или у В). Схематически когнитивные

позиции участников дискурса, согласно О.Б. Йокояме, выразим в виде диаграммы в соответствии с рисунком 1.

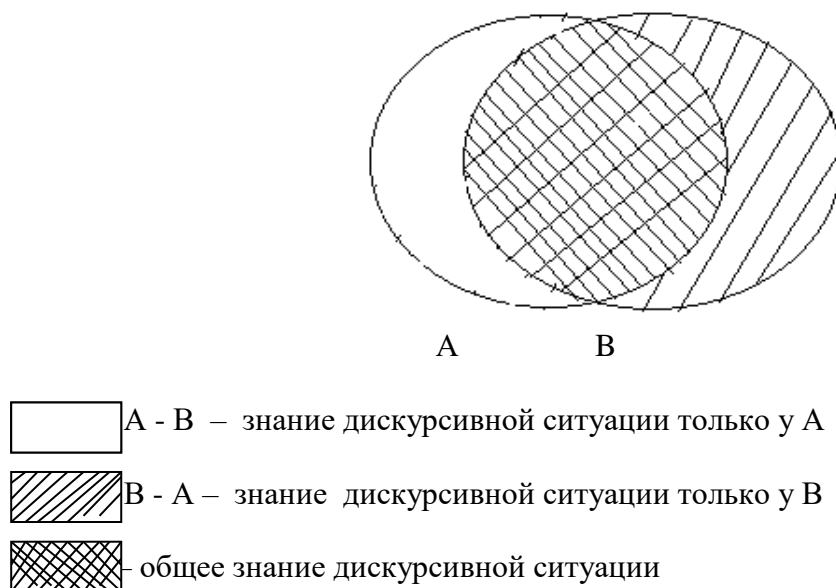

Рисунок 1 – Диаграмма когнитивной модели дискурса по О.Б. Йокояме

Как подчеркивает ученый, «искренний говорящий делает все для того, чтобы правильно оценить состояние знаний своего собеседника», справедливо оговаривая, однако, тот факт, что «ему это не всегда удается». Последнее ведет к ошибочности «оценки дискурсивной ситуации» [8, 41].

Совершенно очевидно, что правильное представление о когнитивном множестве партнера [8, 42] составляет основу дискурса. Ведь в случае невладения «Другим», то есть адресатом, дискурсивной ситуацией возможным оказывается лишь передача ему определенных знаний, то есть содержания текста (речи). Дискурс же предполагает общность апперцепционной базы собеседников, фоновых знаний. Вне этих компонентов, нам представляется, невозможна реализация воздействующей функции как ведущей функции дискурса.

Диалогичность дискурса, как отмечалось выше, в большей мере базируется на принципе субъективности. Не случайно в качестве основного метаинформационного акта говорящего О.Б. Йокояма выделяет его оценку: «Первое процедурное правило дискурсивного поведения говорящего обязывает его произвести наилучшую, по мере возможности, оценку дискурсивной ситуации» [8, 78-79]. В этом случае срабатывают следующие процедурные правила. Приведем здесь собственное видение процедурных правил с опорой на правила, представленные О.Б. Йокоямой. Правильная дискурсивная ситуация заключается в подтверждении адресатом знаний темы общения, что составляет первое процедурное правило адресата. Верное подтверждение адресата свидетельствует о правильной оценке говорящим дискурсивной ситуации. В случае неверной оценки адресат диктует необходимость поправки или коррекции, что предполагает следующее, второе, процедурное правило, связанное уже с говорящим, – необходимость предпринять коррекцию. Схематически данный процедурный процесс изобразим в виде алгоритма в соответствии с рисунком 2.

Алгоритм процедурных правил дискурса

1) Определить, правильно ли оценена дискурсивная ситуация говорящим

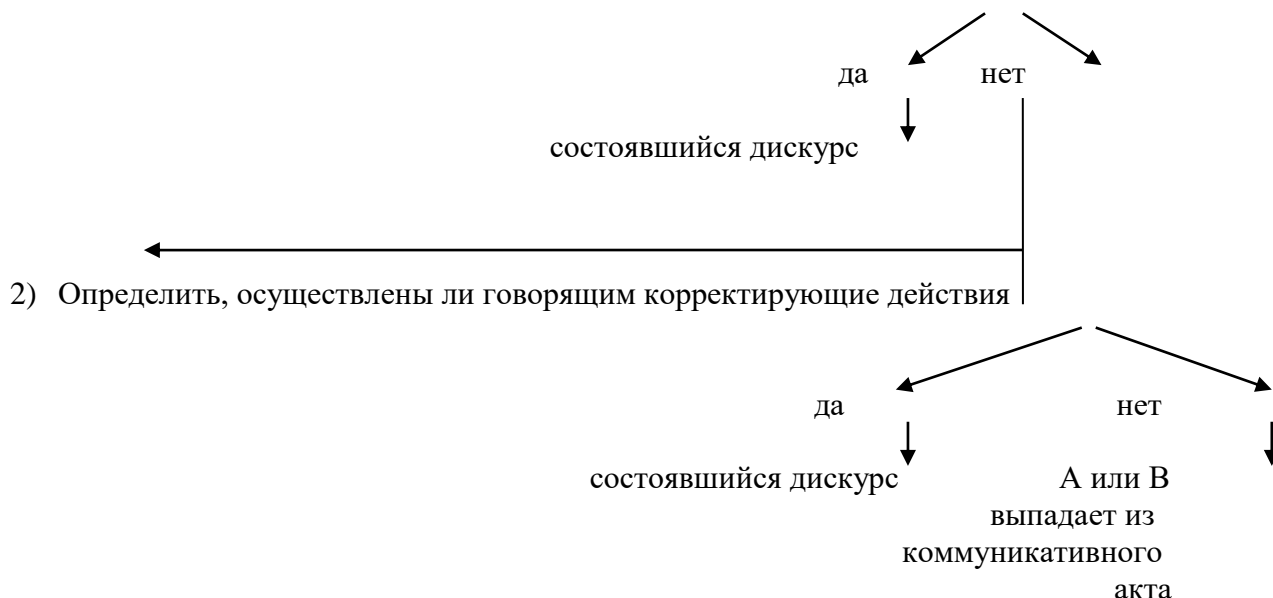

Рисунок 2– Схема определения когнитивной модели дискурса

Вместе с тем в приведенном алгоритме достаточно условным является компонент 'состоявшийся дискурс', поскольку для реализации полноценной дискурсивной деятельности определяющая роль принадлежит «Другому», его оценке информации, содержащейся в дискурсе. Иными словами, являющаяся основой дискурсивной ситуации когнитивная модель дискурса обуславливает его аксиологическую модель, которая выстраивается на основе когнитивной модели. Оговорки требует лишь то обстоятельство, что общение коммуникантов происходит вне наличия лжи, поскольку обратное также приводит к несостоявшейся коммуникации, на что указывает, в частности, Х. Вайнрих [9].

В построении аксиологической модели существенную роль играют следующие факторы:

- 1) оценка говорящим излагаемых фактов, событий, явлений;
- 2) оценка адресатом излагаемых фактов, событий, явлений.

Совершенно очевидно, что данные оценки могут совпадать или не совпадать, что обуславливает в конечном счете реализацию/нереализацию целевых установок дискурса. В случае живого общения возможны также корректировочные действия со стороны говорящего с целью изменения адресатом его оценки. В дискурсивной деятельности, связанной с восприятием письменной формы речи, такого рода поправки невозможны. Схематически представим аксиологическую модель дискурса в соответствии с рисунком 3.

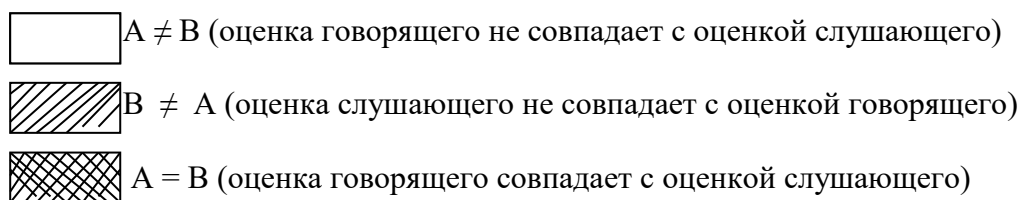
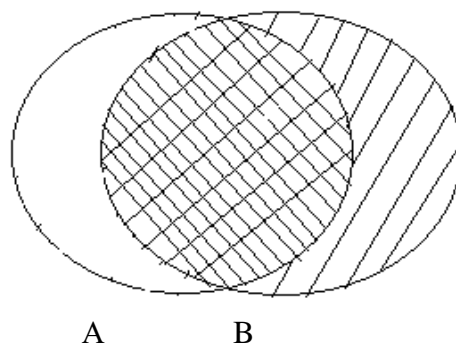

Рисунок 4 – Схема аксиологической модели дискурса

Результаты. С целью построения аксиологической модели экономического дискурса с лишительной семантикой нами был проведен эксперимент опроса оценочной реакции адресата на определенные фрагменты дискурсивной ситуации, изложенной в собранных нами газетных материалах. Подчеркнем, что при построении данной модели мы опирались на теоретические постулаты оценочности, представленные в исследованиях Е.М. Вольф [10], З.К. Темиргазиной [11].

В эксперименте участвовали 37 человек. При подборе информантов учитывались гендерный, возрастной и социально-профессиональный факторы, поскольку данные факторы играют существенную роль при оценке экономической ситуации. Не случайно ученые говорят о так называемом «языке социального статуса» [12]. На зависимость речевого воздействия от личностных качеств коммуниканта указывает также И.П. Тарасова [13]. В эксперименте участвовали лица обоих полов, разных возрастных групп и социального положения. Методика проведенного анализа включает следующие этапы:

1. характеристика когнитивной модели дискурсивной ситуации;
2. характеристика аксиологической модели дискурсивной ситуации.

Характеристика когнитивной модели заключается в оценке адресатом передаваемых говорящим знаний. Схематически она выражается как $A = B$ либо $A \neq B$. Последнее интерпретировалось в случае, если ответная реакция не последовала либо была не по сути дела. Сущность проводимого психолингвистического эксперимента, равно как и результаты полученных данных, основываются на англо-американском подходе: в нем актуализируется главным образом содержательная сторона фрагмента дискурса и реакция на нее читателя. Учет мнения автора оказывается вспомогательным.

В содержательном плане дискурсивные ситуации, предложенные в эксперименте, охватывали экономические проблемы от общегосударственного масштаба до бытовых сторон жизни, связанных с действием лишения. В плане выражения они включали в качестве обязательного компонента глагол *лишить* либо синонимичные ему глаголы, а также другие вербальные средства, выражающие лишительную семантику имплицитно.

Анализ полученных данных показывает незначительность когнитивных моделей экономического дискурса типа $A \neq B$. В большей степени потенциальная оценка говорящим как адекватно воспринимаемая слушателем ($A = B$) оказывается оправданной.

Аксиологическая модель экономического дискурса раскрывается в многообразии вариантов.

Согласно полученным в результате анализа данным, предложенная в эксперименте оценка дискурсивной ситуации, излагающей экономические проблемы общегосударственного масштаба, в восприятии, то есть реакции на нее адресата, раскрывается в виде противопоставления составляющих комплекса «они – мы». В качестве «они» выступают представители правящих кругов разных уровней, в качестве «мы» – простой народ, рядовой гражданин страны. В частности, такая оценка прослеживается как реакция на следующий фрагмент дискурса: *Как отмечено в запросе, многие казахстанцы не в курсе информации о снижении ставок по займам в рамках программы «Доступное жилье». Вместо этого выделенные государством деньги **руководство банка размещает в других финансовых инструментах и извлекает сверхприбыль, лишая тысячи казахстанских семей надежды на доступное жилье.***

В приведенном фрагменте четко эксплицируется каузатор действия лишения в виде словосочетания *руководство банка*, субъектом лишения выступает лексема с положительной коннотацией *надежда*, связанная с простым народом (*казахстанские семьи*), а объект лишения выражается словосочетанием *доступное жилье*.

Оценка говорящим (корреспондентом газеты) излагаемого однозначно негативна. Он осуждает лишение программы «Доступное жилье» простых казахстанцев. Полученные данные реакции позволяют представить аксиологическую модель данного дискурса как $A = B$, поскольку большинство мнений читателей можно свести к следующему обобщению: «Доступное жилье» – недоступно простым людям. Показательно, что представители управленческого аппарата в высказываниях респондентов обозначаются в виде лично-указательного местоимения *они* и его форм (*их, им*), а себя они ассоциируют с простыми гражданами, что выразится в использовании личного местоимения *мы* и его форм. Это следует из примеров такого типа: *Им для нас все жалко; Все они такие*. Подобная реакция относится к более чем 80 % опрошенных.

Вместе с тем незначительный процент (примерно 19%) составляют респонденты, оценка дискурсивной ситуации которых несколько отличается. Ее можно свести к изложению прескрипции, выражаемой посредством модального слова *надо* типа *Надо держать людей в курсе по данной программе*. Такого рода оценка разрешимости данной ситуации обнаруживается у респондентов более зрелого возраста, от 33 лет и выше, главным образом у лиц с высшим образованием, что свидетельствует об их экономической зрелости (Приложение А).

В этом же ракурсе «мы – они» оценивается дискурсивная ситуация, связанная с «зеленой» экономикой. В качестве стимула было предложено следующее высказывание: *Однако, по мнению Елеусизова, за последние три года Алматы лишился около 35 тысяч деревьев*.

Следует подчеркнуть, что когнитивная модель данной дискурсивной ситуации составляет 100%, что передается в виде $A = B$. Говорящий, автор приведенного фрагмента дискурса, выражает озабоченность вырубкой деревьев, в результате которой Алматы лишается зеленых насаждений. В нем при этом не эксплицируется каузатор действия лишения, передаваемого посредством глагола *лишить*. Предполагаемый читателем (адресат В) каузатор выражается в ответных реакциях как в виде обозначения учреждения – *акимат*, так и в виде обозначения его госслужащих местоимением *они*. Показательным, в частности, является следующий пример ответной реакции респондентов: *Что можно еще услышать от них?* И лишь трое из 38 опрошенных респондентов (лица в возрасте 38, 45 и 52 лет с высшим образованием) объясняют излагаемые расхождения объективными причинами, связанными с ошибочным подсчетом. В контексте такого восприятия осуждающая оценка ситуации говорящим не соответствует оценке, данной читателем, а именно: $A \neq B$ (Приложение А).

Прямо противоположная аксиологическая модель конструируется в случае восприятия уже налаженной системы в экономической сфере. В частности, устоявшейся в Республике Казахстан является пенсионная накопительная система. Это обуславливает тот факт, что рядовые граждане выражают доверие к ней, поэтому предупредительные действия лишения воспринимаются ими в основном настороженно по отношению к носителю негативной информации. В проводимом эксперименте для реакции граждан нами было предложено следующее высказывание: *Многие казахстанцы могут лишиться своих накоплений. В процессе подготовки слияния пенсионных фондов в Единый Государственный всплыли счета с некорректными данными вкладчиков.*

Если в оценке говорящего в данном случае прослеживается предостережение негативного характера, то в оценке респондентов практически отмечается стопроцентный оптимизм. Они уверены, что государство не сможет выступить в этом случае каузатором действия лишения. Примечательно, что в высказываниях подобного рода фигурирует не местоимение *они* с пренебрежительным оттенком значения, а слово *государство*. Приведем некоторые из таких высказываний: *государство печется о своих вкладчиках; государство не имеет права на это*. Подобные высказывания свидетельствуют о высокой гражданской зрелости казахстанцев и об их экономической грамотности, несмотря на различный социальный статус и историчность дискурса, основанного на опыте предшествующего времени. И только 2 (магистрант и студент) респондента выразили негативную оценку возможной ситуации в виде реакции, представленной, в частности, в высказывании *Казахстанцам к таким явлениям уже не привыкать*. Таким образом, в целом оценка ситуации говорящим о возможном лишении граждан их пенсионных накоплений не соответствует восприятию ее слушающим (читающим). На основании этого аксиологическую модель представленной дискурсивной ситуации можно выразить в виде $A \neq B$.

Обсуждение. ТКак свидетельствуют данные проведенного эксперимента, в несколько меньшей степени оппозиция «мы – они» выражается при описании положения сельского населения. В качестве проблемной дискурсивной ситуации, связанной с действием лишения, была предложена ситуация, изображаемая в следующем фрагменте дискурса: *В селе Акозек Алматинской области массовый падеж скота. С начала года сельчане лишились уже 50-ти голов. Причиной стало отсутствие жидительной влаги. В населенном пункте нет ни поливной, ни питьевой воды.*

Произведенный анализ данного отрывка свидетельствует о том, что в качестве эксплицитно представленного каузатора в нем выступает словосочетание *отсутствие жидительной влаги*. Настоящий каузатор, таким образом, не назван: он стоит за текстом высказывания.

Анализ полученных данных эксперимента свидетельствует о когнитивной модели $A = B$ дискурсивной ситуации. Аксиологическая модель при этом характеризуется вариативностью. Сочувствующая оценка говорящего, сопровождаемая предположениями разрешения ситуации, находит отклик у 38% респондентов. У 50% данная оценка идентична, но, помимо сочувствия, в ней выражен гнев на сложившиеся обстоятельства. Иными словами, оценка 88% респондентов тождественна оценке говорящего: $A = B$. И только 12% респондентов, главным образом люди молодого возраста, среди которых студенты, лица с высшим образованием (программист, эколог, банкир), а также представители рабочих профессий (швея, продавец), оценивают излагаемую ситуацию сквозь призму «мы – они». (Приложение А)

Большой степенью вариативности характеризуются аксиологические модели, раскрывающие сущность дискурсивных ситуаций, содержащих экономические проблемы регионального плана. В частности, это относится к фрагментам дискурса, в которых излагается ситуация на самом большом вещевом рынке Алматы после случившихся на нем

нескольких пожаров. Поскольку в качестве респондентов представлены алматинцы, то когнитивная модель дискурса сводится к стопроцентному показателю $A = B$. Приведем следующие фрагменты дискурса:

1-й фрагмент: *Барахолка – единственный способ заработать, пусть небольшие деньги. Для того, чтобы развивать бизнес, увеличивать товарооборот, нужно вкладывать деньги, а где их взять, если нет торговли? Поэтому в нынешних условиях малый бизнес просто погибает. Вырученных от торговли денег едва хватает на повседневные расходы. Но и этого нас хотят лишить, разрушив барахолку.*

2-ой фрагмент: *Лишившиеся товара при пожаре на барахолке в Алматы предприниматели вряд ли получат компенсацию.*

Как видим, и в первом, и во втором фрагментах дискурсов не обозначен каузатор действия лишения, что обуславливается объективными причинами: на момент написания этих фрагментов еще не были выявлены виновники пожаров. Каузатор эксплицируется в первом фрагменте дискурса в словосочетании *разрушив барахолку*. Иными словами, его можно выразить в виде 'разрушение вещевого рынка'. Вместе с тем подлинный каузатор лишения эксплицируется благодаря неопределенно-личному предложению *Но и этого нас хотят лишить*, в котором имплицитно выражается некая группа лиц, заинтересованных в разрушении вещевого рынка.

Примечательно, что первый из фрагментов дискурса раскрывается от имени предпринимателя – представителя продавцов, работающих на нем. Благодаря этому передается сочувствующая оценка автора излагаемой дискурсивной ситуации. Такого же рода оценка характерна для второго фрагмента. Вариативность аксиологической модели дискурсивных ситуаций сводится к следующему: а) юридический беспредел и нецивилизованная форма торговли; б) поджог как заранее спланированная акция; в) ситуация, ведущая к безработице.

Первый вариант оценочной реакции респондентов соответствует аксиологической модели $A \neq B$, поскольку мнение респондентов, высказавшихся за закрытие вещевого рынка, не соответствует оценке ситуации говорящим. Это точка зрения охватывает около 40% ответов лиц от 25 до 75 лет, главным образом, что существенно, лиц, не относящихся к казахстанской интеллигенции. Среди них парикмахеры, повара, охранники, реже – учителя, врачи, студенты.

Более 50% опрошенных, рассматривающих данную дискурсивную ситуацию как заранее спланированную акцию, состоят из рядов интеллигенции: врачи, учителя, студенты, магистранты. Вместе с тем эта группа респондентов склонна мыслить о целесообразности закрытия вещевого рынка ($A \pm B$), где \pm – не совсем равно. Наконец, лишь 10% респондентов связывают данную дискурсивную ситуацию с действием лишения: закрыть вещевой рынок – значит лишить людей работы. Каузатором в большинстве ответов такого рода выступает государство (ср. мнения типа '*Государство не думает о простом народе*'): $A = B$.

Большая степень сознательности респондентов обнаруживается при анализе восприятия 2-го фрагмента дискурсивной ситуации. Стоит отметить, что в ее раскрытии, согласно нашим наблюдениям, не просматривается никакой коннотации. Фраза представляет собой изложение мнения журналиста о последствиях пожара на вещевом рынке как факта. Относительно ее также применимы изложенные выше варианты ответов. Автор фрагмента отнюдь не сосредотачивает свое внимание на действии лишения, тем более на его каузаторе. Это проявляется в употреблении субстантивированного причастия от глагола *лишить* – *лишившиеся* – для обозначения лиц, подвергшихся действию лишения. Использование же формы причастия действительного залога прошедшего времени можно интерпретировать как стремление автора выразить свое отношение к произошедшему: предприниматели сами лишили себя товара. В эту интерпретацию вписывается аксиологическая модель $A = B$,

соответствующая первому варианту ответов. Примечательно в связи с этим, что примерно 68% респондентов склонны полагать, что товар нужно страховать, чтобы получить компенсацию. Об этом свидетельствует значительная часть ответов, которые можно в целом свести к высказываниям типа: *Потому что их товары не застрахованы от несчастных случаев*. К респондентам данного варианта ответов относятся лица самых разных возрастных групп, специальностей, а также большинство студентов и магистрантов.

Остальная часть опрошенных (примерно 32%) распределилась между вторым (спланированная акция поджога) и третьим (ситуация, ведущая к безработице) вариантами ответов. Причем третий вариант выразился в виде высказывания типа: *Должны получить компенсацию*, что составило примерно 9% из отмеченных 32%. Это мнение лиц второй возрастной группы, среди которых специалисты сферы обслуживания (повар, продавец) и отдельные представители интеллигенции (врач) (Приложение А).

В ряде случаев, как представляется, воздействующая функция дискурса реализуется благодаря специально подобранным языковым средствам выражения. Так, отрицательное отношение автора дискурсивной ситуации, изображающей лишение, выражается посредством глаголов *отобрать/отбирать*. Используемый при изложении экономической политики государства данный глагол участвует в передаче мнения автора как оппозиции «они – мы». Следует подчеркнуть, что данная оппозиция представлена в анкетировании опрошенных в стопроцентном объеме, за исключением тех респондентов, которые составляют второй вариант когнитивной модели, то есть тех, которые, в силу незнания экономической политики государства, не изложили своей оценки фрагмента ситуации. Речь идет о следующем фрагменте дискурсивной ситуации: *А наладить собственное производство мы никак не можем, потому что своими руками ослабляем свое конкурентное преимущество. Государство же, вместо того чтобы поднимать производство, запрашивает деньги у других стран - внешний долг Казахстана, по сведениям спикера, достиг \$146 млрд. Поэтому **правительство и пытается побольше отобрать у народа**: об этом говорит увеличение налогов, повышение пенсионного возраста и т.д.*

Как свидетельствует анализ, в приведенном фрагменте четко обозначен каузатор лишения – правительство. Вместе с тем самое действие лишения представлено не как производимое в полной мере, а как попытка осуществления. Причем постоянство этой попытки выражается во временной делокализации действия, передаваемой посредством глагола *пытается* в форме постоянного настоящего времени. Глагол *отобрать* носит номинативный характер, благодаря использованию его в форме инфинитива.

Примечательно также, что если субъектом лишения выступает народ (предложно-падежная форма существительного в родительном падеже с предлогом *у народа*), то объект лишения в тексте не эксплицируется. Т.н. «Другому», на которого направлен дискурс, предстоит вывести его самому, благодаря чему данный объект приобретает соборный, обобщенный, характер. Согласно контексту, речь, несомненно, идет о материальных приобретениях народа, которых власти пытаются его лишить.

Анализ анкетных данных позволяет вывести когнитивную модель описываемой дискурсивной ситуации как $A = B$ (89%) и $A \neq B$ (11%). В противовес этому аксиологическая модель представляет собой 100% результат $A = B$. Иными словами, оценка говорящего и респондентов, участвующих в эксперименте, полностью совпадает. Об этом свидетельствует реакция в виде ответов типа *У них нехорошая политика; Что еще могут придумать они?...* и подобные. Подчеркнем также, что если в предлагаемом фрагменте дискурса каузатор действия лишения определяется посредством существительного *правительство*, то в ответах респондентов он выражается путем лично-указательного местоимения *они*, приобретающего в этом контексте пренебрежительный характер.

При изложении фактов экономической политики государства в ряде случаев реализация воздействующей функции дискурса зависит от контекста. В частности, это

подтверждает анализ эксперимента по следующему фрагменту дискурса: (о девальвации) «*Это не значит, что мы хотим отобрать бизнес у сети обменных пунктов, они должны корпоративно влиться в банки – мы должны знать, кто сколько покупает, сколько продает. Делает это легально или нелегально. Этой работой мы сейчас займемся*», – сообщается на сайте премьер-министра.

Закключение. Полученные данные опроса по обозначенному фрагменту дискурса свидетельствуют о том, что респонденты недостаточно осведомлены о специфике работы обменных пунктов. В данном случае большее внимание их было сконцентрировано на представленной в скобках реплике о девальвации. Поскольку этот процесс коснулся всех граждан, то когнитивная модель дискурсивной ситуации абсолютизируется в виде $A = B$. Аксиологическая модель $A \neq B$ конструируется на основе примерно 70% респондентов. Несогласие, отрицательное отношение к девальвации лишь косвенно касается речи премьер-министра. Проникновение в суть сказанного относится только к одному респонденту. Аксиологическая модель $A = B$ в данном случае строится на основе его реакции «*Это очень хорошая идея. Правительство нашего государства должно знать*» (муж., 43 лет, архитектор).

Остальные менее 30% принадлежат ответам, основанным на согласии с говорящим, но одновременном неверии в возможность осуществления контроля деятельности обменных пунктов.

Проведенный эксперимент еще раз подтверждает, что глагол *отобрать* способен передавать лишительные действия, связанные с экономикой общегосударственного плана. Об этом свидетельствует и следующая фраза, предложенная в ходе нашего эксперимента: ***Токаев потребовал отобрать неиспользованные земли у богатых астанчан.***

Как видно, каузатором лишения в данном случае выступает Президент страны – Касымжомарт Токаев. Действие лишения имеет модальный характер, поскольку передается путем его наименования формой инфинитива *отобрать*, при которой используется глагол императивной семантики с оттенком требования *потребовал*. Он представлен аористической формой прошедшего времени, что позволяет автору выразить излагаемое действие как факт.

Когнитивная модель данной дискурсивной ситуации структурируется как $A = B$ (97%). Аксиологическая модель в виде $A = B$ соответствует более 94%, что выразилось в равнозначной оценке излагаемой ситуации говорящим и респондентами о правильных действиях Главы государства. Думается, значительную роль в формировании этой модели сыграл авторитет Назарбаева в среде простого народа. Лишь незначительная часть опрошенных, около 6%, высказала несогласие с оценкой автора дискурса: $A \neq B$. Среди них главным образом лица молодого возраста с высшим образованием либо студенты, мнение которых сводилось к тому, что никто не может лишить людей приобретенных земель, независимо от того, как они ими распоряжаются. Максимальное количество противоположных этому мнению реакций респондентов свидетельствует о достаточно высокой сознательности граждан Казахстана в интерпретации вопросов экономической сферы.

Контекстная составляющая актуализируется, как показывает собранный в ходе эксперимента материал, при изложении мнения относительно фрагмента следующей дискурсивной ситуации: ***В этом году своих кресел лишились несколько десятков директоров из-за плохих показателей балла ЕНТ.***

Анализ ответных реакций на данный фрагмент дискурса показывает, что в оценке мнений обнаруживается не столько соответствие оценке автора статьи справедливого лишения работы директоров школ, сколько оценка самого ЕНТ как отрицательной процедуры оценки знаний учащихся. Это касается примерно 77% респондентов. Заметим, что в данном случае анкета не содержала никаких дополнительных сведений о конситуции.

Видимо, сама получившая уже достаточную устойчивость аббревиатура *ЕНТ* вызывает у людей отрицательную реакцию.

Относительно же информации, связанной с действием лишения рабочих мест, выраженной в приведенной фразе метафорическим словосочетанием *лишились кресел*, оценки респондентов разделились. Часть из них ($\approx 20\%$) оценивают данное действие положительно, но не верят в его реализацию, интерпретируя это словом со стилистически сниженной окрашенностью *показуха*. Остальные около 3% не согласны с оценкой автора фрагмента, полагая, что не директора школ, а сами учащиеся ответственны за свои знания. Аксиологическая модель последних показателей, таким образом, может быть сведена к конструкту $A \neq B$.

Итак, анализ фактического материала позволяет заключить, что совокупность языковых средств, воплощающих категорию лишительности в экономическом газетном дискурсе, формирует разнообразную палитру смысловых оттенков в пределах смыслового поля дискурса. При наличии идентичности знаний участников коммуникации, то есть адекватной когнитивной модели, аксиологическая модель, конструируемая на основе оценки дискурсивных экономических практик, характеризуется целым рядом модификаций.

Список использованной литературы:

1. Сулейменова Э.Д. *Дискурс в дискурсе казахстанской лингвистики* // Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции Центрально-Азиатской Ассоциации по деловому общению (СА АВС) и Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана. – Алматы, 2016. – 252 с.
2. Киклевич А. *Притяжение языка. Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика*. – Олыштын, 2020. – Т.1. – 403 с.
3. Buysens. E. *Les langages et le discours, Essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la semiologie*. Bruxelles: Office de Publicite, 1993. – 2 p.
4. Кубрякова Е.С. *О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор)* // *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональный и структурный аспекты*. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 7-25.
5. Соссюр Ф. де. *Курс общей лингвистики*. – М.: Издательство «Эдиториал УРСС», 2004. – 272 с.
6. Жаналина Л.К. *Интегративное словообразование*. – Алматы.: КазНПУ им. Абая, 2019. – С. 12-13.
7. Киклевич А. *Об индексальных выражениях с семантикой посессивности (на материале русского и немецкого языков)* / А.Е. Супрун, Г. Яхнов // *Славяно-германские параллели*. – Минск, 2016. – С. 190-212.
8. David Howarth. *Discourse*. –Buckingham UK: Open University Press, 2000. –166 p.
9. Йокояма О.Б. *Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов*. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 424 с.
10. Вайнрих Х. *Лингвистика лжи* // *Язык и социальное взаимодействие*. – М.: Прогресс, 1987. – С. 44-87.
11. Вольф Е.М. *Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо / плохо»* // *Вопросы языкознания*. – 1986. – № 5. – С. 98-106.
12. Темиргазина З.К. *Оценочные высказывания в русском языке*. – НПФ «ЭКО» Павлодар, 2020. – 272 с.
13. Тарасова И.П. *Структура личности коммуниканта и речевое воздействие* // *Вопросы языкознания*. – 1993. – № 5. – С. 70-81.

References

1. Sulejmenova E.D. *Diskurs v diskurse kazahstanskoy lingvistiki* // *Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii Central'no-Aziatskoj Associacii po delovomu obshcheniyu (SA AVS) i Kazahskogo universiteta mezhdunarodnyh otnoshenij i mirovyh yazykov im. Abylaj hana*. – Almaty, 2016. – 252 s.
2. Kiklevich A. *Prityazhenie yazyka. Semantika. Lingvistika teksta. Kommunikativnaya lingvistika*. – Ol'shtyn, 2020. – T.1. – 403 s.

3. Buysens. E. *Les langages et le discours, Essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la semiologie*. Bruxelles: Office de Publicite, 1993. – 2 r.
4. Kubryakova E.S. *O ponyatii diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj lingvistike (obzor) // Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funkcional'nyj i strukturnyj aspekty*. – M.: INION RAN, 2000. – S. 7-25.
5. Sosyur F. de. *Kurs obshchej lingvistiki*. – M.: Izdatel'stvo «Editorial URSS», 2004. – 272 s.
6. Zhanalina L.K. *Integrativnoe slovoobrazovanie*. – Almaty.: KazNPU im. Abaya, 2019. – S. 12-13.
7. Kiklevich A. *Ob indeksal'nyh vyrazheniyah s semantikoj posessivnosti (na materiale russkogo i nemeckogo yazykov) / A.E. Suprun, G. YAhnov // Slavyano-germanskije paralleli*. – Minsk, 2016. – S. 190-212.
8. David Howarth. *Discourse*. –Buckingham UK: Open University Press, 2000. –166 p.
9. Jokoyama O.B. *Kognitivnaya model' diskursa i russkij poryadok slov*. – M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2005. – 424 s.
10. Vajnrin H. *Lingvistika lzhi // YAzyk i social'noe vzaimodejstvie*. – M.: Progress, 1987. – S. 44-87.
11. Vol'f E.M. *Ocenochnoe znachenie i sootnoshenie priznakov «horosho / ploho» // Voprosy yazykoznaniya*. – 1986. – № 5. – S. 98-106.
12. Temirgazina Z.K. *Ocenochnye vyskazyvaniya v russkom yazyke*. – NPF «EKO» Pavlodar, 2020. – 272 s.
13. Tarasova I.P. *Struktura lichnosti kommunikanta i rechevoe vozdejstvie // Voprosy yazykoznaniya*. – 1993. – № 5. – S. 70-81.